
Кубок истины
Цена чужой любви
18+

Oli Vka

Кубок истины. Цена чужой любви

«Автор»
2026

Vka O.

Кубок истины. Цена чужой любви / O. Vka — «Автор», 2026

За две недели до свадьбы Виолетта Вейрмонт коснулась Кубка Истин и увидела, как жених убивает её — ради приданого, шахт и её лучшей подруги.Другая на её месте расплакалась бы. Виолетта составила план: отказаться от приданого, разорить жениха долгами и сорвать помолвку на королевском балу. Всё удалось, кроме одного: офицер, которого она поцеловала в беседке ради скандала, оказался Верховным Паладином Света. И не только им.Теперь её ищут двое: бывший жених, не признающий разрыв, и Король Демонов, уверенный, что она уже его. У неё яды, чесоточный порошок и удар ногой, у них — армии, культ и тысячи лет опыта.Романтическое фэнтези с алхимией и очень настойчивым Паладином.

© Vka O., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Проклятие Кубка Истин 5
Глава 2: Великий финансовый террор 9
Глава 3: Мундир из стали 14
Глава 4: Женишок у ворот 18
Глава 5: Шелковые маски и поцелуй грешницы 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Oli Vka
Кубок истины. Цена чужой любви

Глава 1: Проклятие Кубка Истин

Холодный, отполированный до блеска мрамор Тайной Галереи Королевской Академии Магии обжигал босые ступни Виолетты, посылая колючие волны вверх по лодыжкам. Каждое прикосновение кожи к камню отзывалось в теле мелкой дрожью, но девушка упрямо шла вперед, заставляя себя сохранять идеальную осанку даже в полной темноте. Часы на главной башне замка, тяжело и гулко пробившие три часа ночи, возвестили о том, что весь огромный учебный комплекс, раскинувшийся на холмах столицы, окончательно погрузился в мертвенный сон.

В такое время здесь не должно было находиться ни единой живой души. Согласно первому параграфу устава Академии, ночные прогулки студентов по закрытым секциям карались немедленным, позорным исключением и пожизненным запретом на практику. Всё тонуло в плотном, словно серая вата, столичном тумане, который пришел со стороны бушующего полуночного моря и теперь лениво просачивался сквозь щели высоких стрельчатых окон. Редкие патрули стражников обходили лишь внешние ярусы и крепостные стены, неохотно звеня тяжелыми железными доспехами и проклиная холодную осеннюю сырость.

Но когда на кону стоит твоя собственная жизнь, правила приличия, комендантский час и страх перед позором отправляются прямиком в преисподнюю. Виолетта сделала глубокий, прерывистый вдох, пытаясь унять волнение, которое мешало сосредоточиться на её внутреннем магическом источнике. Она аккуратно, едва дыша, притворила за собой тяжелую дубовую дверь, окованную потемневшим от времени и влаги железом. Главное, чтобы кованые петли не издали ни единого звука в этой гробовой, давящей тишине галереи.

Облегченно выдохнув в темноту коридора, она поправила подол тонкой шелковой ночной сорочки лавандового цвета. От малейшего дуновения сквозняка, гуляющего по древним каменным переходам, полупрозрачная ткань то топорщилась, то облепляла ноги, очерчивая плавные контуры её стройной фигуры. Длинные, густые фиолетовые волосы, которые днем три служанки с трудом и ворчанием собирали в безупречную, строгую высокую прическу, сейчас тяжелыми, шелковистыми волнами спадали на её плечи, щекоча ключицы и полностью обнаженную спину.

Виолетта медленно двинулась вперед, ориентируясь лишь по едва заметному синеватому сиянию в самом конце зала. Готические своды галереи уходили вверх, теряясь в непроглядной тьме, а со стен на неё безмолвно взирали портреты великих магистров прошлого, чьи нарисованные глаза казались Виолетте живыми и осуждающими.

Перед ней на резном постаменте из белого камня, покрытом слоем вековой пыли и паутины, высился легендарный Кубок Истин. Артефакт из темного, почти черного золота, оплетенный вязью древних рун, которые казались живыми, пульсирующими сосудами. Руны лениво переливались багровыми и синими оттенками, словно чуя приближение человека с сильным врожденным даром.

Легенды Академии, передававшиеся студентами из уст в уста под строжайшим секретом, гласили: тот, чья магия достаточно сильна и не замутнена страхом перед неизвестным, может коснуться его краев и увидеть самый поворотный, самый страшный или самый счастливый момент своего будущего. Магистры строго-настрого запрещали молодым аристократам даже смотреть в сторону этого зала. Считалось, что будущее изменчиво, а слабый разум смертного может сойти с ума, разбившись о неизбежность грядущих катастроф. Если ты увидишь свою смерть, то начнешь приближать её каждым своим шагом, пытаясь её избежать.

Но у Виолетты больше не было выбора. Её привычный аристократический быт, внешне казавшийся светскому обществу эталоном роскоши, благополучия и беззаботности, в последние месяцы превратился в удушающую, невидимую, но вполне осязаемую клетку. Всего через две недели в центральном соборе столицы должна была состояться её пышная, невероятно дорогая свадьба с графом Райаном, самым завидным, подающим большие надежды молодым аристократом королевства.

Красивый, обходительный, с безупречными манерами, фаворит самого монарха, щедрый покровитель искусств... Райан казался исполнителем роли прекрасного принца из девичьих сказок. Весь высший свет завидовал Виолетте, а её подруги шептались за веерами, что она вытянула самый счастливый билет в жизни.

Но саму Виолетту давно не покидало ноющее чувство тревоги, обострявшееся каждый раз, когда граф подходил ближе чем на два шага. Врожденная женская интуиция, подкрепленная тонкой, почти болезненной чувствительностью к чужим магическим колебаниям, буквально шептала, что за его белозубой улыбкой, за каждым приторно-сладким комплиментом скрывается нечто гнилое, леденящее душу и сугубо расчетливое.

— Ну, проверим, стоит ли выходить за тебя замуж, Райан, или мне пора забирать свои сбережения, фамильное золото и паковать чемоданы на другой континент, подальше от твоих идеальных манер, — едва слышно прошептала она.

Она сделала шаг к постаменту. Сердце заколотилось, отдаваясь глухим, ритмичным стуком в ушах и заглушая свист сквозняка. Виолетта протянула руку, затаила дыхание и коснулась тонкими пальцами холодного шероховатого металла.

Мир вокруг мгновенно, с оглушительным беззвучным хлопком, от которого заложило уши, взорвался мириадами багровых искр. Пространство галереи закружилось, уходя куда-то вниз, стирая стены, гобелены, портреты магистров и стрельчатые окна Академии. Виолетту с силой швырнуло в ледяной водоворот чужого, еще не случившегося времени, ломая её реальность на тысячи осколков.

Тьма, вобравшая в себя сознание Виолетты, пахла сыростью, озоном и близкой смертью. Магический вихрь, порожденный Кубком Истин, прекратил свое вращение, и девушка почувствовала, как её ментальное тело обретает пугающую, почти физическую плотность в пространстве грядущего времени.

...Она увидела себя. Ту изможденную, которой суждено было стать ровно через год. На ней было роскошное изумрудное платье из тяжелого бархата, подарок отца на первую годовщину брака, но подол был безнадежно испачкан в придорожной грязи, мокрой глине и свежей, еще теплой крови. Она стояла на краю высокого утеса над бушующим, черным морем. Шел проливной дождь. Ледяные капли больно хлестали по лицу, смывая слезы и перемешиваясь с ними.

А прямо перед ней стоял Райан.

Его привычная лощеная маска благородства и святости была сорвана. Красивое лицо исказила безумная, торжествующая гримаса, а в руке тускло поблескивал фамильный кинжал с извилистой рукоятью в виде змеи. Виолетта из будущего уже истекала кровью, прижимая бледную ладонь к груди, сквозь пальцы которой толчками вырывалась багровая жидкость, пачкая изумрудный бархат.

— Райан... за что?.. За что ты так со мной? Я ведь отдала тебе всё... — услышала Виолетта собственный хриплый, угасающий голос, срывающийся на беззвучный плач.

— За что? — Райан рассмеялся, и этот раскатистый смех, перекрывающий гул шторма, заставил настоящую Виолетту содрогнуться от глубокого, леденящего омерзения. — Ты была лишь удобной ступенью, милая Виолетта! Твоё сказочное приданое, всё золото доверчивого отца, его векселя и шахты теперь по закону принадлежат мне. По праву безутешного, убитого горем вдовца! Но деньги твоего рода — лишь часть плана. Твой глупый отец думает, будто

южные шахты приносят просто золото. Но древний культ Света, которому я тайно служу уже много лет, знает истину. Там, в самых глубоких жилах, скрыта застывшая кровь древних богов. Твоя смерть, смерть первородной дочери, запустит алтарь! И ты наконец-то перестанешь стоять между мной и Селестой!

Экран видения качнулся, словно повинуясь мыслям убийцы, и Виолетта увидела Селесту. Её лучшая подруга сидела в запертой карете в сотне шагов от обрыва. Селеста горько, навзрыд рыдала, закрыв лицо руками. Она была святой, чистой, абсолютно наивной душой и понятия не имела, какой кошмар разворачивается рядом, уверенная, что на карету просто напали разбойники. Селеста любила Райана. Тайно, мучительно, годами вздыхая по жениху лучшей подруги, но молчала, готовая заживо похоронить свои чувства в монастыре из фанатичной преданности Виолетте. Райан же не просто любил её: он был одержим Селестой и хотел сделать её своим главным трофеем, очищенным от чужого влияния.

— Селеста будет моей, — прорычал Райан из видения, делая шаг к раненой, шатающейся Виолетте. — Без тебя она немного поплачет, погорюет, а потом я утешу её. Я стану её единственной опорой, её спасителем. Ты просто исчезнешь, растворишься в море, а мы с ней будем счастливы на твои же деньги! Ты ведь не против уступить место лучшей подруге? О! Как жаль, что моя любимая жена погибнет от рук бандитов, напавших на неё! — расхохотался Райан.

Резкий, профессиональный взмах клинка. Вспышка дикой, невыносимой боли в шее. И тело Виолетты замертво летит со скалы прямо в хищные волны...

— А-а-ах! — Виолетта с задушенным вскриком отдернула руку от Кубка Истин и рухнула на колени, тяжело, со свистом втягивая ртом воздух галереи.

Сердце билось о ребра, готовое вот-вот разорваться, к горлу подкатила тошнота. Холодный пот градом катился по спине, сорочка липла к телу, словно саван. Она в панике начала ощупывать свою грудь и шею: ткань была абсолютно сухой, никакой крови, никакого смертоносного ножа. Это было лишь видением. Будущее, которое неизбежно наступит, если она совершит глупость и безропотно пойдет под венец с этим расчетливым психопатом, за которым стоят мрачные силы, прикрывающиеся именем Света.

Виолетта медленно, опираясь на холодный постамент, поднялась на ноги. Её взгляд, еще минуту назад полный парализующего страха, стал ледяным, колючим и расчетливым. Потребовалось всего несколько минут, чтобы ужас улетучился, уступив место чистой, обжигающе горячей ярости.

— Ах ты ж нищая, амбициозная, прилизанная тварь... — процедила она сквозь сжатые зубы, глядя в темноту перед собой и мысленно разрывая портрет Райана на куски. — На мои деньги он гулять собрался? Селесту он, значит, утешит? Культ Света? Древние шахты? Избавится от меня как от сорняка на обочине своего величия?

Виолетта вытерла тыльной стороной ладони пот со лба. К Селесте у неё не было ни капли злости, ревности или обиды. Подруга была слишком мягкой и честной: Селеста скорее бы заперлась в самом строгом монастыре на хлеб и воду до конца своих дней, чем осознанно предала бы Виолетту или переступила через её интересы. Селеста и не подозревала, какой опасный монстр за ней наблюдает и строит планы, используя её хрупкие чувства для своего возвышения. Райан просто цинично использовал их обеих: Виолетту как бездонную дойную корову для поправки своего трещащего по швам бюджета и ключ к алтарям культа, а Селесту как желанный приз для своего раздутого эго.

— Ну уж нет, дорогой женишок, — Виолетта вскинула подбородок, расправила плечи и смахнула со щеки остатки слез. — Любовь моя к тебе, как оказалось, не так уж и сильна. Жизнь мне определенно дороже, да и портить изумрудное платье в придорожной грязи я не планирую. Какая нелепая смерть на скалах... Ты плохо меня знаешь, Райан.

Она бросила полный презрения взгляд на Кубок Истин. Артефакт снова затих, руны на его боках медленно гасли.

— Забирай свой фальшивый титул графа и катись к чертям. Но хрен тебе, а не Селеста! Ты её мизинца не достоин, она должна быть по-настоящему счастлива с нормальным, любящим мужчиной, а не стать добычей для такого больного психа и его тайных покровителей. Да и мои деньги ты хрен получишь, я каждую монету зубами выгрызу, заставлю тебя побираться на улицах. Объявляю операцию «Спаси свою шею, убереги подругу из лап маньяка и верь в холостяцкую жизнь» официально открытой.

Глава 2: Великий финансовый террор

Вернувшись в свое родовое поместье под самое утро, когда первые робкие, серые лучи осеннего солнца едва пробивались сквозь густой столичный туман, Виолетта даже не подумала лечь спать. Адреналин, бурливший в крови после кошмарного видения у Кубка Истин, начисто прогнал остатки усталости. Вместо этого она заперлась в своем рабочем кабинете, зажгла массивный бронзовый канделябр и расстелила на огромном письменном столе из мореного дуба чистый лист пергамента. Девушка принялась чертить запутанную схему, больше похожую на план тактической военной операции генерала перед решающим штурмом, чем на рассуждения юной светской аристократки.

— Так, — бормотала она под нос, нервно покусывая кончик перьевой ручки и оставляя мелкие чернильные кляксы на полях. — Райан хочет прибрать к рукам папины золотые прииски, активировать какой-то древний алтарь своего культа Света за счет моей крови, а Селесту сделать своим утешительным призом после моей «трагической» гибели. Хрен тебе, дорогой женишок, а не Селеста! Моя подруга — хрупкая, искренняя душа, она заслуживает любящего мужа, который будет носить её на руках, а не сломанную жизнь с маньяком, готовым хладнокровно прирезать жену ради выгоды. На мои деньги он гулять собрался... Я устрою тебе такое, что ты забудешь, как выглядит мраморная говядина в ресторанах!

План Виолетты мгновенно эволюционировал, обрастая новыми, безжалостными деталями. Просто пойти и расторгнуть помолвку было нельзя, и уж точно не из робости. Помолвка между домами лежала записью в столичной палате, и рвала эту запись не обида невесты, а подпись жениха. Подписи Райана не будет: без её шахт он для своих покровителей пустое место, а до свадьбы ещё и любимец короны, живой и полезный. Пока его подпись не стоит на отказе, она остаётся его невестой, и отказ от приданого, слёзы и скандалы этого не меняют. Оставался Трибунал Света, который признавал вину только по доказанному, а идти туда с жалобой на человека, чьи покровители прикрываются самим именем Света, значило отдать донос в руки его же хозяев. Отец любил её и не пошёл бы против её воли, но он дал слово и подписал бумагу, а платить за её отказ пришлось бы ему: неустойка, палата, шахты. Просить об этом отца Виолетта не собиралась. Что скажет свет, её не заботило вовсе; она готова была прослыть пропащей грешницей, лишь бы не прослыть покойницей.

Оставался побег. Только побег не расторгал ничего: запись в палате оставалась в силе, отвечать по ней пришлось бы отцу, а Райан оставался женихом, которому сбежавшая невеста задолжала неустойку. И, потеряв последнюю законную надежду на приданое, он пошёл бы не к нотариусу, а к своим жрецам, и проделал бы то, что ей показал Кубок, только раньше, тише и без всякого венца. А ничего не подозревающая Селеста так и стояла бы у него на дороге.

Нужно было действовать тоньше, изощреннее. Ей требовалось методично уничтожить Райана морально и финансово, превратив его жизнь в череду непрекращающихся кошмаров и неудач.

План состоял из трех ключевых этапов:

Обескровить Райана финансово. Лишить его даже теоретической возможности прикоснуться к богатствам её семьи. Сделать так, чтобы он сам завыл от бессилия и долгов, тратя свои последние графские гроши на её выдуманные, абсурдные и безумно дорогие «хотелки» и капризы.

Оградить Селесту. Постепенно, без резких движений, открыть подруге глаза на истинное, уродливое лицо графа: не оставлять их наедине ни на минуту и вытаскивать его одержимость на свет при свидетелях, чтобы Райан потерял бдительность и выдал себя раньше времени.

Превратить жизнь женишка в ад!

Размышления Виолетты бесцеремонно прервал оглушительный грохот. Тяжелая дверь её кабинета распахнулась от пинка ноги, и внутрь ураганом влетела Амелия — её младшая семнадцатилетняя сестра. Длинные волосы Амелии были растрепаны, глаза горели лихорадочным, почти безумным блеском, а в руках она сжимала свежую вырезку из утренней столичной газеты.

— Ви! Ты не поверишь! Ты просто не представляешь, кто на рассвете въехал в наш город! — Амелия с разбегу рухнула на край стола, едва не перевернув чернильницу и прижимая газету к груди так, словно это была священная реликвия.

— Судя по твоему лицу, к нам пожаловал сам Создатель, — сухо отозвалась Виолетта, спешно прикрывая свою схему чистым листом пергамента. — Или, что более вероятно, кондитер, сотворивший новый вид шоколадного торта?

— Бери выше! — Амелия благоговейно развела руки в стороны, едва не задев люстру. — Верховный Паладин Ордена Света, сэр Сириан! Говорят, он чист и безгрешен, как первый снег на вершинах гор. Его магия исцеляет любые раны одним лишь прикосновением... О, Виолетта, я видела его мельком на площади! Он посмотрел в мою сторону! Я точно выйду за него замуж, это судьба!

Виолетта едва не задохнулась и устало потерла переносицу.

— Амелия, очнись. Ему, по слухам, за тридцать, он командует армией суровых паладинов, а ты еще даже не закончила академию. Какой замуж?

— Любви все возрасты покорны! — воскликнула младшая, вскакивая со стола. — Я уже велела кухарке на кухне замесить лучшее сдобное тесто. Я лично испеку ему свои фирменные черничные пироги и отнесу прямо в резиденцию Ордена Света. Путь к сердцу мужчины лежит через пироженки! Даже если этот мужчина — паладин!

Виолетта вздохнула.

«Святой паладин, говорите? — подумала Виолетта, прищурив свои нежно-розовые глаза. — Ну-ну. Надо держать Амелию от него на расстоянии пушечного выстрела, пока эта восторженная дурочка не навлекла на нашу шею беду».

Но времени на воспитание сестры катастрофически не хватало.

Первым делом с утра Виолетта вызвала семейного поверенного. Пожилой юрист долго протирал очки, не веря своим ушам, когда юная леди твердым голосом надиктовала ему текст официального, нотариально заверенного отказа от всего родительского приданого, включая три богатейшие южные шахты.

— Но леди Виолетта... — заикался старик. — Ваш отец дал слово! Граф Райан рассчитывал...

— Мой отец поймет меня позже, а граф Райан пусть рассчитывает свои карманные расходы, — отрезала Виолетта, стараясь придать голосу максимум твердости. — И отправьте копию этого документа в благотворительный фонд Академии. Пусть знают, что деньги пойдут на обучение сирот, если я выйду замуж за графа.

Следующим шагом стала зачистка модных лавок столицы. Виолетта лично обошла лучших портных, ювелиров и сапожников королевской аллеи. Она выбирала самые вычурные, нелепые и астрономически дорогие вещи, которые только могла найти.

— О, леди Виолетта, этот головной убор из перьев редкой южной цапли стоит триста золотых! Он... немного специфичен, — робко заметил модист, разглядывая огромную конструкцию, напоминающую гнездо глухаря.

— Он великолепен! Заверните два. И запишите на личный счет моего дорогого жениха, графа Райана, — лучезарно улыбалась Виолетта. — Скоро свадьба, он умолял меня ни в чем себе не отказывать!

К полудню на имя Райана было отправлено около тридцати долговых квитанций за коллекционные шелка, туфли из кожи аллигатора, хрустальные флаконы для духов, платиновый

ошейник тонкой работы и тридцать три килограмма редчайшего засахаренного инжира, который Виолетта велела скормить монастырским свиньям. Женишок должен был прочувствовать всю глубину её «любви» задолго до того, как они сядут за праздничный стол в ресторане.

В полдень у Виолетты был назначен обед с Райаном и Селестой в самом дорогом, пафосном и претенциозном ресторане столицы — «Золотой Грифон», где собиралась вся правящая элита. Пора было переходить к кульминации утреннего финансового террора.

В ресторане пахло запеченной с яблоками уткой, изысканными заморскими специями, дорогим парфюмом и многолетним коллекционным вином. Роскошная обстановка, позолота на стенах, огромные хрустальные люстры и тихая, усыпляющая музыка струнного квартета должны были располагать к романтике и предсвадебным нежностям. Граф Райан, как всегда безупречно одетый в камзол глубокого винного цвета, подчеркивающий его бледность, сидел напротив Виолетты и расточал свои фирменные, отрепетированные перед зеркалом обворожительные улыбки. Правда, в его глазах уже читалась настороженность: утренние счета от модных лавок явно начали доходить до его банка.

Справа от него устроилась Селеста — нежная, тихая, словно фарфоровая куколка, девушка с золотистыми локонами. Она изо всех сил смотрела в свою тарелку с лёгким салатом, чтобы ни единым взглядом не выдать влюблённость в жениха лучшей подруги.

— Виолетта, дорогая, ты сегодня выглядишь просто ослепительно, хотя твои прекрасные глаза кажутся немного усталыми, — мягко произнес Райан и потянулся через стол к её руке.

Виолетта не стала убирать ладонь. Она подняла вилку для рыбы и с коротким сухим стуком вогнала её в стол в сантиметре от его пальцев.

— Ой! — Она прикрыла рот кончиками пальцев и посмотрела на жениха с такой нежной, такой искренней виноватостью, что за соседним столиком обернулась пожилая графиня. — Простите, граф. Рука случайно дрогнула. Нервы, сами понимаете, свадьба на носу.

Райан дёрнул руку назад так резко, что задел рукавом соусник, и серебряная вилка качнулась, тонко звякнув о дерево. Улыбка сползла с его лица мгновенно, будто её стёрли мокрой тряпкой, и на секунду он стал просто бледным молодым мужчиной с приоткрытым ртом, без всякого графского лоска. Он смотрел на неё круглыми глазами, и в них не осталось ни расчёта, ни надменности, только чистейший, почти детский испуг. Пальцы, которыми он только что собирался взять её ладонь, дрожали, и он поспешно спрятал их под стол. На виске выступила капля. Под воротником дёрнулась жилка, потом ещё раз, и ещё.

Селеста подняла голову от салата и переводила взгляд с одного на другую, не понимая, что происходит, и от этого бледнела сама.

— Н-ничего... — Райан откашлялся в салфетку, и голос вернулся к нему не сразу. Растерянность он спрятал за светской улыбкой, которая держалась на губах с явным усилием. — Ничего страшного, дорогая. С кем не бывает. — Он взял бокал, чтобы занять чем-то руки, и вода плеснула через край. — Мне тут прислали несколько... странных квитанций на твоё имя. Ювелир утверждает, что ты приобрела платиновый ошейник за тысячу золотых? Для кого?

Вилка, торчавшая из стола, была компромиссом. Вогнать её в холёную ладонь жениха хотелось куда сильнее, чем в дубовый стол, и то, что Виолетта удержалась, было едва ли не главным её достижением за последние сутки. Официант, возникший у столика с новой вилкой, старательно смотрел в сторону, пока вытаскивал старую. Зато улыбка на её лице получилась самая очаровательная, невинная и фальшивая.

— О, Райан, это не ошейник, это подарок. Тебе, — проворковала Виолетта с самой нежной улыбкой, и Селеста, сидевшая напротив, поперхнулась салатом. — Я, знаешь ли, люблю мужчин на привязи. Так спокойнее: не сбежит к чужим жёнам, не забудет, кому обязан, и до конца дней будет знать своё место. Примерим после венчания, я сама застегну. — Она выдержала крошечную паузу. — А теперь, раз уж мы заговорили о свадьбе... Я всю ночь не могла

уснуть: всё думала о тебе и о деньгах моего отца. И решила проявить истинное, высокое благородство, достойное твоей будущей жены!

— Благородство? — Райан приподнял безупречно выстриженную бровь, и бровь эта дёрнулась дважды, прежде чем замереть на месте. Голос звучал ровно только на первый слух; на второй в нём слышалась та же дрожь, что и в пальцах, которыми он снова взялся за бокал.

— Да! — Виолетта воодушевленно всплеснула руками, едва не задев хрустальный бокал с водой. — Мой дорогой папа хотел выделить нам приданое наличным золотом и полностью переписать на нас три богатейшие южные шахты. Но я подумала: зачем нам эти грязные, приземленные материальные ценности? Ты ведь у меня такой перспективный, гордый, невероятно талантливый! Брать огромные подношения у тестя — это же невыносимый удар по твоей независимости и чести твоего рода! Я просто не могу так унизить любимого человека. Ты сам всегда мне говорил, что богатства моего отца тебя не нужны! Поэтому я сегодня утром официально подписала полный отказ от родительского золота и шахт. Все бумаги уже у юриста.

Селеста в этот момент искренне, со слезами восхищения на глазах захлопала в ладоши:

— Ви, это... это так самоотверженно, так прекрасно с твоей стороны! Ты так глубоко веришь в силы, ум и талант Райана! Какая же ты потрясающая, благородная подруга и невеста! Райан, тебе так повезло!

А вот сам Райан... Виолетта с неописуемым, наслаждением наблюдала, как его породистое, бледное лицо медленно, но верно приобретает отчетливый оттенок тухлой капусты. Левый глаз графа едва заметно, но ритмично задергался в нервном тике. Идеально очерченная челюсть сжалась с таким приглушенным звуком, будто он попытался с ходу раскусить речной булыжник. Руки он убрал под стол, но и там они его выдавали: салфетка на коленях ходила ходуном, а когда он потянулся за вилкой, та звякнула о тарелку, и он отдёрнул пальцы, будто вилка в его руке тоже могла войти в дерево.

— Отказалась?.. — переспросил Райан, и голос сорвался на середине слова, как у подростка, у которого ломается бас. Он схватил салфетку, но пальцы не слушались, и ткань поползла из них на скатерть. — От всего золота? И от шахт? Полностью?

— От каждого медного гроша! — радостно, с самым невинным видом закивала Виолетта, мысленно танцуя победный танец на его рухнувших надеждах. — Я знала, что ты оценишь мой высокий поступок! Мы начнем нашу семейную жизнь с абсолютного, чистого нуля, дорогой! Будем жить исключительно на твое жалованье от короны в твоем чудесном, хотя и слегка полуразрушенном загородном поместье. Правда ведь, это так романтично? И кстати, раз уж мы заговорили о расходах... Официант! Подайте, пожалуйста, самое дорогое коллекционное вино урожая столетней давности. Мы празднуем нашу будущую совместную жизнь с графом Райаном! Он угощает!

Официант с поклоном принес бутылку, стоимость которой равнялась годовому бюджету небольшой провинции. Райан смотрел на эту бутылку так, словно в ней был разлит чистый яд. Его губы дрожали. Когда он потянулся к бокалу, рука пошла в сторону, и красное вино плеснуло через край на белоснежную скатерть; он поставил бокал, так и не донеся до рта, и принялся вытирать пальцы о салфетку, хотя вытирать было нечего. В его голове в этот самый момент с оглушительным треском рушился весь гениальный, выстраиваемый месяцами план. Зачем ему убивать её через год на утесе, если у неё за душой больше нет ни гроша?! Зачем ему статус безутешного вдовца-наследника, если наследовать придётся только долги за её новые, безумно дорогие украшения и это проклятое вино?! Более того, без южных шахт его покровители из древнего культа Света просто сотрут его в порошок.

Граф бросил быстрый, полный скрытой паники и мольбы взгляд на Селесту, которая сидела совсем близко, смущенно дыша, затем перевел его на лучезарно улыбающуюся Виолетту, и в самой глубине его потемневших зрачков промелькнула опасная, ледяная, чистая

убийственная ярость. Он понял, что эта девчонка только что полностью, одним ударом языка сломала его жизнь и лишила его всего, ради чего он затевал эту сложную аферу.

Виолетта перехватила этот взгляд и мысленно оскалилась в ответ, торжествуя: «Первый раунд за мной, ничтожный дурак. Посмотрим, как ты расплатишься за этот обед. Мой банкет только начинается».

Она еще не знала, что за соседним VIP-столиком, надежно скрытый от чужих глаз мощной магической ширмой искажения пространства, сидел высокий мужчина в белоснежном мундире Верховного Паладина Света. Он лениво потягивал из хрустального кубка кроваво-красное вино, а его багровые демонические глаза, скрытые сейчас сильной иллюзией под обычные человеческие серые, хищным и глубоким интересом наблюдали за фиолетоволосой язвительной девчонкой.

Глава 3: Мундир из стали

Если Виолетта наивно полагала, что её утреннее трезвое, холодное внушение о суровых, аскетичных и полных лишений буднях военных фанатиков хоть как-то охладит пыл Амелии, то она жестоко просчиталась. Младшая сестра обладала уникальным, почти пугающим и разрушительным даром: полностью, абсолютно и бесповоротно игнорировать здравый смысл, логику, законы физики и прямые родительские запреты, если на горизонте маячил объект её очередной, вспыхнувшей за долю секунды «любви до гроба». Едва услышав утренние столичные сплетни о прибытии Верховного Паладина, Амелия перешла в режим боевой готовности, остановить который не смогла бы даже королевская гвардия.

Уже к четырем часам дня весь их огромный особняк, обычно пахнущий свежими розами и старинными книгами, пропал под удушливо-сладким, тягучим ароматом запеченной черники, ванили, корицы и слегка подгоревшего сдобного теста. Из кухни, где обычно царил идеальный порядок, доносился непрекращающийся, оглушительный грохот кастрюль, полные мольбы вскрики потомственной кухарки и командный, звонкий, не терпящий ни малейших возражений голосок Амелии, раздающий указания замученным и растерянным горничным.

Когда Виолетта, морально опустошённая, уставшая, но довольная после тяжёлого поединка с Райаном, заглянула на кухню, её глазам предстала поистине эпическая картина. Амелия стояла посреди этого кулинарного побоища вся в белой муке — та осела ей на волосы, густые, медово-русые, отцовские, которые на солнце отливали золотисто-каштановым, и теперь торчали из-под мучного налёта. Большие карие глаза горели тем самым огнём, от которого у кухарки дёргался глаз, мягкое, утончённое лицо с аккуратным точёным сияло гордостью, и только упрямство, было материнским: покойная графиня точно так же умела превращать любое дело в катастрофу и при этом смотреть на неё как на подвиг. Виолетта, глядя на сестру, невольно подумала, как они всё-таки непохожи: у самой Ви — тонкие черты, пухлые губы, нежно-розовые глаза и светлые фиолетовые волосы, всё материнское, а у Амелии — всё отцовское.

— Это шедевр, Ви! Истинный, неоспоримый шедевр кулинарного искусства! — восторженно пропищала Амелия, с трудом завязывая на ручке корзины огромный, вызывающе-розовый шелковый бант, который моментально покрылся мучными разводами. — Сама небесная, суровая святость не устоит перед этим сладким подношением. Я добавлю к этому шедевру свою самую невинную и чистую улыбку, и сэр Сириан падет к моим ногам прямо на пороге своей резиденции!

Назвать то, что стояло на столе, пирогом у Виолетты просто не поворачивался язык — сооружение из теста, кривобокое и дымящееся, больше напоминало оборонительный форт на границе с варварами, наспех слепленный неопытным и нетрезвым архитектором.

Виолетта устало облокотилась о косяк двери, скрестила руки на груди и со смесью ужаса окинула взглядом дымящееся чудовище из теста.

— Амелия, милая, от этого твоего «шедевра» идет такой жар, что им можно без особых проблем отапливать наши загородные конюшни во время самых суровых морозов. И мне кажется, или левый край твоего форта... то есть пирога, уже начал медленно обугливаться и чернеть? И вообще, резиденция Ордена паладинов — закрытый объект повышенной секретности, а не чайная лавка для восторженных девиц. Тебя туда просто не пустят. Суровые рыцари на воротах, которые днями и ночами тренируются и питаются исключительно сухарями, завернут тебя вместе с твоей черникой и этим дурацким розовым бантом обратно в карету.

Младшая сестра хитро, по-лисьи прищурилась и с победным, торжествующим видом вытащила из кармана кружевного фартука, густо присыпанного сахарной пудрой, сложенный вчетверо плотный пергамент с королевскими печатями.

— Не завернут, дорогая сестренка! Ха-ха! Наш папа на прошлой неделе официально выделил Ордену пожертвование наличным золотом на ремонт столичного центрального храма. И мне, как его официальной, благочестивой представительнице, поручено доставить письмо лично в руки главе канцелярии! А пирог... пирог — это просто скромный, домашний, чистый знак внимания от нашей семьи. И ты, дорогая Ви, пойдешь со мной для солидности. В конце концов, тебе положено сопровождать юную сестру в светском обществе.

Идти в логово к паладинам ей не хотелось. Но отправить в орден свою глупую, наивную и восторженную младшую сестру одну она не могла. Хотя ее интуиция сейчас не просто шептала — она буквально орала дурниной, требуя заколотить окна и не выходить из дома.

— Ладно, — процедила Виолетта сквозь зубы, раздраженно потирая виски, где уже зарождалась головная боль. — Иди умывайся и переодевайся во что-то менее... черничное. Но запомни: у ворот говорить буду исключительно я. Если этот твой Паладин окажется занудным, злобным, высохшим стариканом с синдромом очищения мира от скверны, мы бросаем корзину и бежим обратно к карете так, словно за нами гонятся демоны Изнанки. Обещаешь?

Амелия радостно запрыгала, едва не перевернув корзину, и бросилась вверх по лестнице, на ходу сбрасывая испачканный фартук.

— Обещаю, Ви! Ты лучшая сестра в мире! Сэр Сириан будет в восторге!

Виолетта посмотрела на бант на корзине, затем на свои ладони, которые всё еще помнили металл Кубка Истин.

— Сэр Сириан, кем бы вы ни были... — тихо прошептала она в пустоту темной кухни. — Пожалуйста, будьте просто скучным стариком. У меня и так проблем выше крыши.

Она еще не знала, что карета уже подана, а в резиденции Ордена Света, в полумраке своего кабинета, Верховный Паладин как раз откладывал в сторону скучные отчеты, чувствуя, как к его цитадели приближается самый сладкий, самый дерзкий и самый греховный аромат во всем этом скучном человеческом мире.

Резиденция Ордена Света располагалась в старой части столицы и выглядела как неприступная, цитадель. Высокие окна, тяжелые кованые ворота и грозные рыцари в сияющих, до зеркального блеска отполированных доспехах, застывшие подобно каменным изваяниям. Атмосфера здесь буквально давила на плечи, заставляя даже обычно говорливую и шумную Амелию испуганно притихнуть, втянуть голову в плечи и крепче прижать к себе корзинку с пирогом.

Благодаря отцовскому письму с золотым оттиском фамильной печати и роскошной карете, стражники на внешних воротах пропустили сестер внутрь без лишних вопросов. Однако внутрь самой цитадели, в святая святых, Амелию не пустили, сухо велев ожидать в холодной приемной. Стражник смерил девушек подозрительным, колючим взглядом, забрал пергамент с пожертвованием и монотонно произнес:

— Сэр Сириан занят изучением утренних отчетов. Ожидайте здесь. Если Его Светлость сочтет нужным, он примет вашу благодарность.

Прошло долгих, томительных тридцать минут. Амелия то и дело порывалась вскочить, поправить платье и проверить, не остыл ли её черничный монумент. На тридцать первой минуте у младшей сестры предсказуемо сдали измотанные нервы.

— Ви... мне нужно в дамскую комнату. Срочно! От нервов у меня крутит живот, — прошептала она, внезапно бледнея. — Посторожи корзину! Если он вдруг выйдет — скажи, что я пекла это со всей душой и молилась за его здоровье!

Не успела Виолетта и слова вымолвить, как Амелия вылетела из приемной, скрывшись за поворотом, оставив сестру в полном одиночестве среди серых стен, блеклых ковров и тяжелых гобеленов, изображающих сцены изгнания демонов.

Виолетта глубоко вздохнула, глядя на плетеную корзину. От нее все еще отчетливо пахло домашней черникой, и этот уютный запах казался абсолютно чужеродным в этом холодном,

пропахшем сталью месте. Девушке надоело сидеть на жесткой скамье. Она решила немного пройтись по длинному коридору, чтобы размять затекшие ноги, и сама не заметила, как, задумавшись о финансовых махинациях Райана, свернула в глубь жилого, закрытого крыла резиденции.

Коридоры здесь были полутемные, освещенные лишь редкими, слабо мерцающими магическими кристаллами. Тишина стояла звенящая, почти осязаемая. И вдруг... Виолетта резко остановилась. Её тонкий нюх уловил едва заметное, но пугающее изменение в воздухе.

Запах благовоний бесследно исчез. Вместо него повеяло чем-то совершенно иным — тонким, дорогим ароматом элитного табака, морозной штормовой свежести и... едва уловимым, сухим, дразнящим шлейфом серы и нагретого на огне металла. Так пахнет грозовое небо перед самым сильным ударом молнии.

Она инстинктивно сделала шаг назад, собираясь немедленно вернуться в безопасную приемную, как вдруг из-за угла коридора стремительно вышла высокая фигура. Виолетта от неожиданности не успела затормозить, её изящная подошва скользнула по гладкому, натираемому веками камню пола, и она со всего размаху, сдавленно пискнув, влетела прямо в широкую грудь незнакомца.

Грудь оказалась твердой, как стальная броня, хотя мужчина был одет лишь в безупречно скроенный, облегающий белоснежный мундир с тяжелыми серебряными эполетами. От сильного удара Виолетта окончательно потеряла равновесие и неминуемо рухнула бы на спину, но сильная, большая ладонь, затянутая в черную кожу перчатку, с поразительной скоростью и жесткостью перехватила её за талию, прижимая к себе.

— Осторожнее, леди. В этих полутемных коридорах очень легко оступиться и сломать свою хрупкую шею, — раздался прямо над её ухом низкий голос, от вибрации которого у Виолетты по спине пробежала волна колючих, холодных мурашек.

Девушка испуганно вскинула голову и замерла, напрочь позабыв, как дышать.

Перед ней стоял мужчина хищной, пугающей красоты. Короткие, густые белоснежные волосы были слегка растрепаны, словно он только что раздраженно запустил в них пальцы, изучая скучные документы. Правильные, резкие черты лица, волевой подбородок и глаза... Глубокие, холодные, стального серого цвета, в самой глубине которых на долю секунды, словно отблеск далекого адского пламени, полыхнул хищный багровый огонек. На его поясе в простых ножнах покоился клинок.

Мужчина плавно, но с пугающей силой толкнул её назад, увлекая в глубокую, скрытую от чужих глаз нишу коридора, и буквально притиснул спиной к каменной стене. Он навис над ней всем своим телом, полностью перекрывая любые пути к отступлению. От него исходил такой мощный, пьянящий жар, что у Виолетты закружилась голова. Этот наглый незнакомец в белом мундире дерзко, ломая все границы приличия. Его пальцы в черной перчатке медленно, очертили контур её подбородка, заставляя девушку затаить дыхание, а затем скользнули к шее, где билась жилка.

— Вы... вы отпустите меня, сэр? Кто вы вообще такой?! — процедила Виолетта, стараясь, чтобы её голос звучал максимально ледяным и презрительным, хотя внутри всё дрожало от необъяснимого страха. Она изо всех сил уперлась ладонями в его грудь, пытаясь отодвинуть этот бьющий по мозгам жар. — Как вы смеете распускать руки в святом месте? Наглый, высокомерный...

Мужчина усмехнулся, наклоняясь к самому её уху и обжигая нежную кожу горячим дыханием. Его ноздри едва заметно дрогнули, втягивая аромат её фиолетовых волос.

— О, как много вопросов, маленькая грешница, — тихо, с опасным предвкушением прошептал он, и его ладонь на её талии сжалась сильнее, собственнически прижимая её бедра к своим сквозь ткань платья. — Я видел вас в ресторане «Золотой Грифон». Вы устроили потрясающее и дерзкое представление.

Виолетта яростно задергалась, готовая уже закричать или укусить этого сумасшедшего придурка, как вдруг из глубины коридора раздался звонкий, испуганный и одновременно восторженный возглас.

— В-Ваше превосходительство?! Сэр Верховный Паладин?! — Амелия застыла на повороте коридора, её глаза округлились до размеров чайных блюдец, а челюсть буквально отвисла.

Младшая сестра переводила ошарашенный взгляд с Виолетты, прижатой к стене, на величественную фигуру мужчины, и её лицо стремительно заливал густой румянец. Она мгновенно выронила из рук платок и упала в самый глубокий, неуклюжий реверанс, на который была способна.

— Простите... умоляю, простите мою сестру, Ваше превосходительство! — пролепетала Амелия, преданно глядя на Сириана снизу-вверх. — Виолетта... она не хотела осквернять ваше личное пространство! Она у нас просто... немного импульсивная! Мы принесли вам благодарность и... и пирог! С черникой! Я лично пекла его для вашей светлости!

Виолетта в этот момент застыла, чувствуя, как земля уходит у неё из-под ног, а все кусочки безумного мозаичного пазла со щелчком встают на свои места.

«Верховный Паладин?.. Этот наглый, порочный хищник, который только что прижимал меня к стене и говорил гадости — и есть тот самый святой Сириан, о котором грезит половина королевства?!» — мысленно закричала Виолетта, уставившись на мужчину взглядом, полным шока и зарождающейся ярости.

Сириан же мгновенно переменился в лице. Маска опасного хищника исчезла за долю секунды, уступив место благородному, снисходительному и величественному выражению лица истинного праведника.

— Благодарю вас, леди Амелия, — мягко, глубоким и чистым голосом произнес Сириан, плавно отпуская Виолетту и одаривая младшую сестру ослепительной улыбкой. — Орден ценит вашу заботу. Мой адъютант обязательно примет ваше кулинарное подношение. А вашей старшей сестре стоит быть аккуратнее. Леди Виолетта... надеюсь, мы еще продолжим наш спор о границах личного пространства.

Глава 4: Женишок у ворот

Карета графа Райана остановилась у крыльца Вейрмонтов без четверти десять. Виолетта, сидевшая в малой гостиной с чашкой чая, услышала, как кованые колёса проскрежетали по гравию. Она поставила фарфор на блюдце очень аккуратно, чтобы не звякнуло.

— Амелия, — сказала она, не оборачиваясь, — если это он, я уезжаю в монастырь. К демонам. К кому угодно.

Дверь отворилась, и лакей доложил о графе Райане так торжественно, словно тот привёз не букет, а корону. Райан вошёл с видом человека, которому нанесли смертельную обиду, но который из последних сил держит лицо. Он был в новом камзоле с охапкой белых роз, перевязанных лентой. За ним слуга внёс коробку засахаренного инжира — того самого, который Виолетта три дня подряд заказывала в лавках и записывала на счёт жениха.

— Дорогая моя невеста, — Райан улыбнулся так старательно, что улыбка вышла почти искренней. — Я привёз вам инжир. Тот, который вы так любите.

— Как любезно, — Виолетта не встала. — Надеюсь, квитанцию вы сохранили. Я её подошью в коллекцию, у меня уже тридцать одна.

Улыбка на лице Райана дрогнула, как свеча на сквозняке.

— Я хотел поговорить с вашим отцом, — сказал он, оглядываясь. — Дело серьёзное.

— Отец уехал по делам, — отрезала Виолетта. — В город.

— Что ж, — Райан вдруг выпрямился, и в его глазах зажегся странный огонь, — тогда я буду говорить с вами. И не словами. Слова вы не слышите.

Он развернулся, вышел в холл, и через минуту в коридоре послышался какой-то шорох, топот, а затем — звон гитарных струн, очень громкий и очень фальшивый.

Виолетта и Амелия переглянулись.

— Он что, — медленно произнесла Виолетта, — притащил гитару?

За окном раздался первый аккорд, за ним второй — и Райан заорал. Не запел — заорал. Истошно, срывающимся голосом, который меньше всего походил на пение и больше всего — на вопли котов по весне, дерущихся в подворотне. Он выводил какую-то балладу о неразделённой любви, о луне, о розах и о том, как жестоко обходится с ним судьба в лице одной прекрасной, но бессердечной девы.

Амелия поперхнулась кексом. Виолетта замерла с чашкой у рта.

— Он фальшивит, — прошептала Амелия.

— Он не просто фальшивит, — Виолетта медленно поставила чашку. — Он воет.

И тут Райан взял самую высокую ноту. Не рассчитал. Голос его сорвался, взвился куда-то вверх и закончился таким истошным, протяжным воплем, что иначе как «осатаневший осёл, которому наступили на хвост, а потом ещё и пнули» это назвать было нельзя.

Виолетта и Амелия, обе как по команде, прыснули чаем. Чай полетел на скатерть, на кексы, на платье Амелии — но обе девушки уже хохотали, согнувшись пополам, и не могли остановиться.

Дверь особняка распахнулась, и в гостиную вошла Селеста — невысокая, мягкая, в простом светлом платье, с золотистыми локонами, выбившимися из причёски, и добрым, встревоженным лицом. Она вошла и сразу же поморщилась, прижав ладонь к уху.

— Ви, милая, — сказала она, и голос её дрогнул, — я приехала тебя навестить, но что это за звук? У меня от него... — она поморщилась сильнее, — ...кровь из ушей сейчас пойдёт. Честное слово, я уже чувствую, как она подступает.

Селеста прижала второе ухо и поморщилась ещё сильнее. Она перевела взгляд на окно, за которым Райан, заметив, что на него смотрят, запел ещё громче и с ещё большим воодушевлением. И тут её лицо медленно, очень медленно, изменилось. Уши, которые она прижимала,

опустились. Глаза расширились — так широко, что, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Румянец, только что игравший на щеках, отхлынул, оставив после себя восковую бледность.

Она стояла и смотрела. Не шевелилась. Не дышала. Просто смотрела — как Райан, тот самый Райан, которого она тайно, мучительно, годами любила, но ради счастья Ви молчала и хоронила свои чувства, — стоял под окнами с гитарой и орал как бешеный осёл.

— Это... — Селеста сглотнула. — Это же...

Она не договорила. Не смогла. Слова застряли где-то в горле, и она просто стояла, глядя на это, и в её глазах медленно, очень медленно, что-то рушилось.

Райан за окном взял ещё одну ноту. Селеста вздрогнула — всем телом, словно её ударили.

— Селеста, — тихо сказала Виолетта. — Сядь.

Но не успела Селеста опуститься в кресло, как к ней подлетела Амелия.

— Селеста! — Амелия схватила её за руку и потянула в сторону кухни. — Пойдём! Пойдём скорее! Я как раз испекла новый черничный кекс! С лавандой! Ты должна попробовать! Немедленно!

Селеста, всё ещё пребывая в шоке, поплелась за ней — медленно, словно во сне, не сопротивляясь, не говоря ни слова. Она даже не заметила, как Амелия усадила её на стул и сунула в руки тёплый кекс.

Амелия поднесла кекс к её губам.

— Ешь, — сказала она. — Просто ешь.

Селеста откусила. Прожевала. И вдруг, неожиданно для самой себя, фыркнула. Сквозь шок, сквозь рушащийся мир, сквозь всё — фыркнула.

— О боги, — прошептала она, — он же... он же правда как осёл. Как осатаневший осёл.

За окном Райан перешёл к финальной ноте. Нота вышла жалкой и оборвалась.

Виолетта поднялась.

— Ну что ж, — сказала она. — Пойду, поговорю с женихом. А вы, девочки, — она обвела взглядом кухню, откуда доносилось хихиканье Амелии и тихий смех Селесты, — сидите здесь. И, пожалуйста, не высовывайтесь.

Она вышла на балкон. Райан стоял внизу, под окнами гостиной, задрав голову, с гитарой наперевес и с выражением лица, которое он, судя по всему, считал вдохновенным. Увидев Виолетту, он просиял и запел ещё громче — если это вообще было возможно.

Виолетта не стала ничего говорить. Просто перегнулась через перила, подняла ведро — и вылила.

Ледяная вода с помоями обрушилась на графа сверху, как водопад. Прямо на его камзол, на его гитару — и на его достоинство. Гитара издала жалобный стон и лопнула всеми струнами сразу. Райан взвизгнул — тонко, по-поросячьи, — и заметался по двору, пытаясь увернуться от потоков.

— А-а-а! — вопил он, прикрывая голову гитарой, которая уже не спасала. — Что вы делаете?! Я граф! Я буду жаловаться!

— Жалуйтесь, — милостиво разрешила Виолетта, стоя на балконе с совершенно невозмутимым видом. — Только сначала обсохните. А то простудитесь.

Райан, мокрый, жалкий, с оборванной гитарой, метнулся к карете. Но у самой дверцы обернулся — и в его глазах полыхнула такая злоба, что даже Виолетта на секунду напряглась.

— Я не подпишу! — проорал он. — Слышите?! Никогда! Вы останетесь моей невестой, даже если мне придётся тащить вас под венец силой! Я не отступлю!

Он нырнул в карету и хлопнул дверцей так, что лошади вздрогнули. Карета рванула с места — и унеслась прочь, оставив после себя лишь мокрый след на гравии и оборванную гитарную струну, сиротливо повисшую на кусте роз.

Виолетта постояла на балконе ещё немного, глядя ему вслед.

— Он вернётся, — тихо сказала она. — Он всегда возвращается. И в следующий раз он придёт не с гитарой.

Потом вернулась в дом. На кухне Амелия что-то оживлённо говорила Селесте, и та тихо, неуверенно смеялась.

— Ты... — Амелия обернулась к ней, и в её глазах всё ещё плясали смешинки. — Ты только что... ты его...

— Я его выгнала, — сказала Виолетта, садясь за стол и беря чашку.

Где-то далеко, на дороге из особняка, граф Райан мрачно смотрел в окно кареты, стряхивая с себя воду, и пытался понять, как его жизнь докатилась до того, что какая-то Вейрмонт облила его из ведра, как нашкодившего кота.

Ответа не было.

Глава 5: Шелковые маски и поцелуй грешницы

После визита в холодную цитадель Ордена Света Виолетта чувствовала себя так, словно прошлась по самому краю лезвия бритвы. Паладин Сириан за короткие несколько минут умудрился перевернуть весь её внутренний мир вверх тормашками. От него пахло удушающей опасностью, которая преследовала девушку в мыслях до самого вечера. Но времени на размышления о загадочном, высокомерном «святоше» не оставалось. Наступала ночь традиционного королевского бала-маскарада — самого подходящего, по расчетам Виолетты, момента для проведения финальной стадии операции по уничтожению помолвки.

План в её голове созрел циничный. Все эти дни она как могла изводила жениха и гоняла к Райану поверенного с бумагами о разрыве, и все эти дни бумаги возвращались неподписанными. Граф находил в её требовании дурной тон и советовал ей остыть и подумать о репутации рода. Подписи не было, а без подписи жениха запись в столичной палате оставалась в силе, и Виолетта оставалась его невестой, сколько бы раз она ни объявляла обратное.

Ломать бумагу силой было нельзя: совет признавал вину лишь по доказанному, жаловаться на человека, который еще ничего не сделал бесполезно. Зато одно основание Виолетта могла предъявить миру сама, своими руками, в любой выбранный ею вечер: собственную измену. Позорную, публичную, при свидетелях, прямо посреди королевского бала. Выбора у нее не оставалось, жизнь дороже репутации. После такого даже самый непробиваемый человек обязан был ради сохранения достоинства сам отказаться от невесты и от её золота. О компенсации можно было не беспокоиться, шахты свои она все переписала, а из своих денег она выплатит небольшую компенсацию, которую совет обычно назначает в таких случаях и помашет ручкой бывшему жениху.

Всё, что требовалось, — мужчина, которого Райан не сможет ни купить, ни запугать, ни утопить в канале вместе с чужими воспоминаниями. С подвыпившим гвардейцем из караула граф договорился бы до утра: сунул бы кошель, а сплетникам объяснил, что невеста перебрала шампанского и обозналась. Паладин стоил дороже любых денег, какие у графа ещё водились. Он не брал взяток, не боялся дуэли, не мог исчезнуть без следа, да и иметь отношения им не воспрещалось, они также создавали семья, как и другие. Скандал с офицером Ордена пришлось бы разбирать на виду у всех, а не шептать о нём за веером в гостиной. В зале провернуть такое было проще, но в это мало кто б поверил, нет это должно было выглядеть как свидание влюбленных. Оставалось найти такого человека в тёмных аллеях сада, увлечь его в поцелуй и сделать так, чтобы Райан с советниками застал её с поличным.

Королевский сад сиял тысячами магических огней, отражавшихся в каплях брызг огромных фонтанов. Музыка придворного оркестра плыла над безупречно подстриженными лабиринтами из живой изгороди. Вокруг кружились сотни гостей в полумасках, перьях, тяжелых шелках и струящемся атласе. Каждому гостю вменялось в обязанность сохранять инкогнито до конца бала.

Виолетта выглядела ослепительно и дерзко. На ней было облегающее платье глубоко-фиолетового цвета, обнажающее хрупкие плечи и ключицы, а лицо скрывала изящная черная маска, расшитая тончайшим кружевом. С самого начала вечера она держала ухо востро, методично уходя от Райана. Граф несколько раз пытался подойти к ней, натянуто улыбаясь и расточая фальшивые комплименты, но Виолетта лишь изящно ускользала, ссылаясь на духоту.

Наконец момент настал. Виолетта заметила, что Райан направляется в её сторону в компании двух влиятельных пожилых советников короля — идеальных свидетелей для её грандиозного скандала.

— Пора заканчивать этот фарс, — процедила она сквозь зубы.

Девушка резко развернулась и скользнула в тень деревьев, углубляясь в дальнюю, самую темную и уединенную часть королевского сада, где располагались закрытые ложи для тайных свиданий. Воздух здесь был прохладным, тяжелым от аромата ночных роз и влажной земли. Сюда часто приходили не только влюбленные парочки, но и те, кто хотел отдохнуть от суеты в том числе паладины.

Впереди, у самого входа в увитую диким плющом каменную беседку, она заметила высокую мужскую фигуру. Из-за густой тени крон деревьев разглядеть детали лица было невозможно, но Виолетта чётко зафиксировала безупречный силуэт, широкие, могучие плечи и… блеск серебряного шитья на парадном мундире. Лицо скрывала глухая серебряная маска-домино.

«Отлично. Паладин. Не мальчишка из караула, которого можно купить до утра и забыть о нём к обеду», — молнией пронеслось в мыслях Виолетты. Белый мундир и серебряное шитьё обещали ровно то, что нужно: человека, которому граф не посмеет сунуть кошель и о котором потом не сумеет шептаться по углам. Она обернулась на долю секунды и увидела: силуэт Райана и советников уже показался на повороте аллеи. У неё было от силы пятнадцать секунд.

Виолетта не стала колебаться. Прыгать в омут — так с головой!

Она решительно шагнула под своды каменной беседки, сокращая расстояние до минимума. Мужчина в серебряной маске даже не шелохнулся, лишь лениво повернул голову в её сторону, продолжая держать руку на эфесе своего клинка.

Виолетта не дала ему опомниться, заговорить или оттолкнуть её. Она сделала последний шаг, стремительно поднялась на цыпочки, рванулась вперед и, обвив руками его крепкую, горячую шею, дерзко и отчаянно впилась в его губы поцелуем.

Он замер лишь на ничтожную долю секунды. А затем по его телу прошел едва заметный разряд магии. Тяжелая, мощная ладонь, затянутая в черную кожу, мертвой хваткой легла на её талию, практически приподнимая девушку над землей и прижимая её хрупкое тело к себе. Второй рукой он перехватил её за затылок, пальцами безжалостно запутываясь в фиолетовых волосах и полностью перехватывая контроль над поцелуем.

Это не был поцелуй обычного человека, решившего подыграть незнакомке. Это было сродни падению в бушующую бездну голода. Незнакомец целовал её с такой страстью, что у Виолетты мгновенно закружилась голова, а из легких выбило весь воздух до единой капли. Ткань его мундира обжигала её кожу, а в дыхании мужчины она с ужасом и внезапным восторгом уловила тот самый аромат: морозная свежесть, табак и сухой запах серы.

«О нет… Этот запах…» — в панике и шоке пронеслось в её угасающем сознании. Пазл сошелся слишком поздно, когда капкан уже захлопнулся. Это был он. Тот самый мужчина из резиденции. Верховный Паладин.

Виолетта попыталась вырваться, испуганно задергалась, уперлась кулаками в его твердую грудь, но Сириан лишь плотнее, прижал ее к себе. В темноте сада его глаза под серебряной маской на секунду вспыхнули чистым, первозданным багровым пламенем — проявлением его истинной адской силы. Он хищно улыбнулся, углубляя поцелуй до предела, заставляя Ви тихо, беспомощно простонать от переизбытка чувств и накатившего удовольствия.

В этот момент у входа в беседку раздался резкий, полный ярости и неверия возглас Райана:

— Виолетта?! Ч-то… что здесь, во имя всех святых, происходит?!

Сириан медленно, со скрытой кошачьей грацией оторвался от её губ. Он не разжал ладонь на её талии, продолжая удерживать тяжело дышащую девушку у своей груди. Мужчина слегка наклонился к её горящему уху и хриплым, вибрирующим от опасного смеха голосом выдохнул:

— Ты сама пришла в мои руки, грешница… Теперь ты от меня не уйдешь.

Он повернул голову к застывшему Райану и медленным движением руки сорвал серебряную маску, обнажая белоснежные волосы и холодный взгляд Верховного Паладина.

Райан стоял у входа в увитую плющом беседку, хватая ртом воздух и перебирая в голове варианты спасения. Его бледное лицо в полумраке сада казалось почти синим, а пальцы так сильно сжали эфес парадной шпаги, что кованая сталь жалобно звякнула. Позади него двое пожилых советников короля, притащенные графом, испуганно переглядывались. Пожилые аристократы были готовы провалиться сквозь землю: застать невесту с поличным — это одно, но застать её в объятиях человека, который фактически управлял военной мощью королевства, было смертельно опасно.

Сириан лениво перевел взгляд серых глаз на застывшего графа. На его губах все еще блуждала сытая улыбка хищника, который только что вкусил самую сладкую добычу в своей жизни.

— Вы что-то хотели сказать, граф Райан? — низкий голос Паладина прозвучал обманчиво мягко, но от него у всех присутствующих поползли ледяные мурашки по спине. Он по-прежнему удерживал Виолетту за талию, намертво прижимая её бедра к своим. — Я внимательно слушаю ваши рассуждения о том, что именно происходит.

— Ваше… Ваша Светлость… — Райан с трудом выдавил из себя слова, его голос сорвался на жалкий, испуганный писк. Рука, сжимавшая шпагу, безвольно опустилась. Маска благородного дворянина слетела с него за долю секунды. Без шахт и золота её отца его покровители из культа Света просто сорвут с него заживо кожу, поэтому потерять Виолетту сейчас означало для него верную смерть. Внутри Райан взвыл от бессилия и заикаясь выдавил: — Про-сти-те мою дерзость… Я-я не знал… Леди Виолетта… мы искали её… Должно быть, это какое-то недоразумение! Моя невеста просто… перебрала шампанского и оступилась!

Граф до последнего не хотел расторгать помолвку. Лишиться такого куша из-за глупого недоразумения? Ни за что. Он сделает вид, что ничего не произошло, сотрет это унижение в порошок, а потом, когда она станет его женой, заставит заплатить за каждую секунду этого позора.

Виолетта, чьи губы всё еще горели от поцелуя, поняла, что этот скользкий гад не собирается сдаваться так просто. Он готов был проглотить даже такое унижение, лишь бы не выпускать из рук её миллионы и ключ к алтарям культа.

— Райан, дорогой, я оступилась исключительно в выборе мужчины, когда согласилась на твое предложение, — Виолетта картинно вздохнула, изящно обмахиваясь кружевным веером и даже не пытаясь выбраться из рук Сириана, что заставило Паладина ухмыльнуться. — Какое шампанское? Я абсолютно трезва и заявляю при свидетелях: наша помолвка расторгнута. Виолетта выдержала паузу и добавила такое, что даже у Верховного Паладина округлились глаза: — Райан, я давно хотела расторгнуть с тобой помолвку, но ты никак не соглашался! Я встретила мужчину всей своей жизни, сэра Сириана. Я не могу больше быть твоей невестой! Я недостойна тебя!

— Нет! Виолетта, это безумие! Ты просто ослеплена! — Райан сделал отчаянный шаг вперед, его глаза блестели. Он выглядел как безумец, готовый вцепиться в подол её платья. — Я не приму этот отказ! Наш брак предрешен! Я докажу тебе свою преданность! Я верну твое расположение, чего бы мне это ни стоило!

— Граф, вам следует уйти, леди ясно дала вам понять, кто ей нравится, — негромко, но с угрозой обронил Сириан, слегка приподняв руку.

Советники короля, бледные как смерть, тут же схватили обезумевшего от паники Райана под руки и силой утащили его прочь по аллее. Но уходя, граф продолжал оборачиваться, его перекошенное лицо выражало маниакальную решимость. Он явно собирался неотступно преследовать Виолетту до победного конца.

Как только их шаги затихли, в саду стало тихо. Виолетта облегченно выдохнула и попыталась отстраниться от своего «живого щита», резонно полагая, что комедия окончена. Она уперлась ладонями в его руки, пытаясь разжать их.

— Ну что ж, сэр Паладин, шоу прошло великолепно, благодарю вас за содействие. Мой «любимый» женишок в ужасе, а то, что этот дурак упрямится — даже забавно, — Виолетта попыталась улыбнуться. — Можете разжать руки. Ещё раз спасибо за то, что подыграли, но теперь мне пора вернуться в залу.

Однако Сириан даже не подумал ослабить хватку. Напротив, его ладонь сжалась на её талии, ещё сильнее прижимая её к себе. Мужчина наклонился к её лицу так близко, что белоснежные волосы коснулись её лба. От него полыхнуло жаром и тем самым сухим запахом серы.

Заметив, что его лицо опускается ниже, а губы вот-вот снова коснуться её губ в новом поцелуе, Виолетта среагировала мгновенно. С резким щелчком она раскрыла свой тяжелый веер со стальными спицами и ловко преградила им путь его губам. Сириан уткнулся лицом прямо в шелковую ткань веера. Одновременно с этим Виолетта со всей силы наступила острой металлической шпилькой своей туфельки ему на начищенный сапог.

Сириан от этого маневра лишь усмехнулся. Физический урон от каблука для него был равен укусу комара, а стальные спицы веера вызвали лишь хищный восторг. Иллюзия человеческого облика вокруг него на миг задрожала, и в глубине серых глаз полыхнуло багровое адское пламя.

— Подыграл? Шоу? — тихо, с опасным рокотом прошептал он прямо сквозь ткань веера, без труда удерживая её руку. — Ты действительно думала, маленькая грешница, что можешь безнаказанно ворваться в мое пространство, осквернить мои губы своим поцелуем и использовать меня в качестве декорации для твоих ничтожных интриг?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.